

Глава 23

Сунь Юй не выпускал телефон из рук, затаив дыхание в ожидании ответа от Се Фэнсина.

Он уже всё решил: если тот соизволит написать хотя бы слово, юноша великодушно простит ему прежнюю заносчивость. Однако вместо уведомления от Фэнсина на экране высветилось имя Сюэ Чэна.

— Только что звонили представители «Луны», — голос менеджера был сухим и холодным. — Они не намерены продлевать с тобой контракт.

Мир Сунь Юя в мгновение ока покрылся ледяной коркой.

— Что?

— Это последствия твоего тройного фиаско, — отрезал Сюэ Чэн.

«Луна» была престижным брендом наушников, амбассадором которого он являлся последние два года. Еще в прошлом месяце на ужине с руководством компании они обсуждали детали пролонгации, и всё казалось решенным делом. И вот теперь — резкий отказ?

Тот, не теряя ни секунды, лично набрал номер ответственного менеджера.

— Прошу прощения, господин Сунь, — донесся из трубки вежливый, но непреклонный голос. — Выбор лица бренда — слишком серьезный вопрос, я не могу решать его единолично.

— Это из-за моего проигрыша в лиге «Субэнь»? — спросил гонщик в лоб.

— Честно говоря... это сыграло свою роль. Но есть и другие причины...

Последовали дежурные оправдания: якобы компании нужно «новое лицо», изменились маркетинговые планы... Вся эта чушь была лишь ширмой. Очевидно, что после трех поражений его репутация поползла вниз, и бренд решил перестраховаться, поставив сотрудничество на паузу.

Сунь Юй почувствовал, как внутри всё сжалось от недоброго предчувствия.

«У вас уже есть кто-то на примете?»

Собеседник издал короткий, неловкий смешок:

— Что вы, пока мы лишь присматриваемся.

«Неужели они пойдут к Се Фэнсину?» — эта мысль обожгла его.

Фэнсину всего девятнадцать, он дьявольски красив и обладает пугающим талантом. Руководство «Луны» просто не могло не заметить такой потенциал. И едва эта догадка оформилась в его голове, телефон завибрировал.

«Пару дней не заходил в WeChat, только сейчас увидел запрос в друзья. Срок действия истек, добавься еще раз».

Сунь Юй замер.

«Не заходил в WeChat?»

Кого он пытается обмануть? Это была такая же наглая ложь, как и его собственное оправдание про «случайно удаленный контакт». Но раз Фэнсин сам перекинул мостик, смысла в разоблачениях не было.

Главное — он почувствовал, как сердце предательски затрепетало от восторга. Юноша даже не осознавал, что Се Фэнсин уже ведет его за собой на невидимом поводке.

[Вот так и надо] — похвалила Сяо Ай.

— Ты права, — отозвался Се Фэнсин. — Скорость и результат превыше всего. Какая разница, насколько он мне противен.

Сунь Юй тут же прислал улыбающийся смайл. Фэнсин, следуя правилам игры, ответил коротким эмодзи в том же духе.

— И зачем ты с ним миндальничаешь? — буркнул Го Сяочуань. — Он же тебе не нравится.

— Для дела нужно, — Се Фэнсин отложил телефон и окинул взглядом номер. Стол уже был девственно чист.

— Собирай вещи, — скомандовал Лу Чи. — Пора возвращаться в Бэйчэн.

— А вы что, не останетесь в Наньчэне еще на пару дней? — удивился Сяочуань.

— В Бэйчэне ждут дела, — ответил Фэнсин. — Нужно обсудить рекламный контракт.

— Какой еще контракт?

— Лицо корпорации «Субэнь».

Го Сяочуань остолбенел. Прошло несколько секунд, прежде чем он смог выдохнуть:

— Да ладно...

— Подарок от босса Лу в честь подписания договора, — Фэнсин бросил короткий взгляд на Лу Чи.

— Ты преподнес мне роскошный дар на треке, — Лу Чи сохранял невозмутимость. — Я лишь отвечаю взаимностью.

Го Сяочуань переводил взгляд с одного на другого, гадая:

«Это они так заигрывают друг с другом?»

Новость была поистине грандиозной. Амбассадорами «Субэнь» всегда становились личности элитарного уровня. Даже Сунь Юй с его репутацией и опытом не входил в их круг интересов — ему не хватало узнаваемости у широкой аудитории. То, что Се Фэнсин получил такой статус, просто выиграв лигу, было неслыханно. И Сяочуань понимал: без влияния кузена тут явно не обошлось.

Теперь, когда новость разлетится по сети, волна зависти захлестнет всех причастных. Но, глядя на Фэнсина, Сяочуань признавал: решение «Субэнь» было безупречным. В этом юноше сочетались холодная элегантность и статус профессионального гонщика — идеальный образ для премиального бренда.

Сяочуань искренне желал другу взлететь как можно выше, вплоть до мировых пьедесталов. Его старый приятель словно обрел суперспособности.

Перед самым отъездом Сяочуань отвел Фэнсина в сторону:

— Слушай, я серьезно: присмотришься к кузену. Он отличный парень.

— Тогда забирай его себе.

— Если бы он не был моим братом, я бы так и сделал!

— Дай мне номер Чэнь Чжо, — Фэнсин перебил его. — Я сам ему позвоню.

Сяочуань лишь рассмеялся:

— Ну представь: Лу Чи в роли твоего парня. Это же какой престиж!

На этот раз Фэнсин ответил предельно серьезно:

— Он не в моем вкусе.

Лу Чи, стоявший поодаль, обернулся. В его взгляде промелькнуло нетерпение:

— Долго вы еще?

Се Фэнсин похлопал друга по плечу и направился к машине.

— Хотя ладно, — шепнул Сяочуань ему вслед. — Он слишком суровый. Еще, чего доброго, руку поднимет.

Услышавший это директор Лу лишь выразительно промолчал.

Едва машина тронулась, Лу Чи прикрыл глаза и мгновенно провалился в сон. Казалось, он готов спать сутками напролет. Се Фэнсин тоже чувствовал свинцовую усталость после бессонной ночи.

В какой-то момент, пребывая в полузабытьи, Фэнсин почувствовал, как мужчина осторожно укрывает его пледом. Приоткрыв глаза, он тихо поблагодарил того и, отвернувшись к окну, снова уснул.

Спящий Се Фэнсин казался воплощением безмятежности. В его чертах — острых, четких, присущих девятнадцатилетнему юноше — сквозила холодная, неосознанная привлекательность.

Дорога до Бэйчэна заняла всего два часа. Первым делом они отправились в офис «Субэнь», чтобы уладить формальности по контракту. Лу Чи, в статусе его босса, не отходил от него ни на шаг, совмещая в себе две ипостаси: главу спортивного департамента корпорации и владельца гоночной команды.

Как только бумаги были подписаны, тот организовал встречу с представителями бренда «Луна».

[Это единственный премиальный контракт Сунь Юя] — заметила Сяо Ай.

— Если я подпишу его, мы с Сунь Юем будем делить статус амбассадоров? — уточнил Фэнсин у Лу Чи.

Тот внимательно посмотрел на него:

— Тебя это пугает или радует?

— А ты как думаешь?

Лу Чи коротко усмехнулся:

— Если появишься ты, места для него не останется. Бренд не станет держать двух гонщиков на одном рынке — это бессмысленно.

«Эффект бабочки» от тройного поражения Сунь Юя только начинал набирать силу. Не будь той дуэли на лиге «Субэнь», это была бы обычная ротация лиц. Но теперь уход контракта к Фэнсину станет для Сунь Юя не просто финансовой потерей, а сокрушительным ударом по репутации. Се Фэнсин же, напротив, стремительно занимал его место, буквально наступая на пятки вчерашнему кумиру.

«Сама судьба решила свести с ним счеты», — подумал Лу Чи. Заметив ледяное равнодушие во взгляде Фэнсина, он почувствовал странное удовлетворение.

— На сегодня всё. Ты где остановился? Я подброшу.

— На автодроме.

— Ты вымотан, — возразил Лу Чи. — Возьми пару дней отдыха, нечего тебе там делать.

— Отец отобрал у меня дом, так что автодром — мое единственное пристанище.

Тот на мгновение замешкался, а затем скомандовал водителю:

— На автодром.

Однако до места они не доехали: зазвонил телефон Фэнсина. Это был Дедушка Се. Требование вернуться домой прозвучало настолько громко, что Лу Чи услышал его даже без громкой связи.

— Старик не на шутку разошелся, — заметил собеседник.

— Он не в восторге от моего увлечения гонками.

— Хочешь, я вмешаюсь?

— Каким образом?

— Думаю, он проявит ко мне толику уважения, — ответил Лу Чи.

Се Фэнсин покачал головой:

— Оставлю тебя как козырь. Предъявлю это «божество», когда ситуация станет совсем патовой.

Несмотря на шутливый тон, его голос оставался отстраненным.

— Ты можешь хотя бы раз улыбнуться? — внезапно спросил Лу Чи.

— Без проблем.

Фэнсин выдавил из себя безупречную, но совершенно безжизненную улыбку. Директор Лу почувствовал непреодолимое желание схватить его за подбородок и хорошенько встряхнуть. Се Фэнсин был невыносим: слишком умен и слишком холоден, до зубовного скрежета.

Машина замерла у ворот особняка семьи Се. Фэнсин открыл дверь:

— Спасибо, босс Лу.

— Не дерзи.

Лу Чи сердился лишь для вида; внутри него росло странное чувство общности. Ему казалось, что для Фэнсина он — особенный. Тот был ледяным со всеми, но в общении с ним иногда позволял себе мимолетную иронию. Разве это не было «особым отношением»? Перед таким очарованием холодной красоты устоять было невозможно.

Едва взглянув на фасад особняка, Се Фэнсин снова стал маской равнодушия. Он подхватил багаж и вошел внутрь. Навстречу ему вышел тот самый мужчина пятидесяти лет, которого он видел на вилле. Дядя Чэнь предупредительно перехватил чемодан и вполголоса шепнул:

— Старик в ярости. Постарайся не спорить, веди себя потише.

Отец Се в кабинете занимался каллиграфией. Фэнсин вошел и коротко поздоровался. Старик даже не поднял головы:

— Руки отсохли или ноги подкашиваются? Почему дядя Чэнь тащит твой чемодан?

— Я сам предложил, — мягко вмешался Чэнь. — Сяо Фэн тут ни при чём.

Отец лишь фыркнул и вперил взгляд в сына:

— До меня дошли слухи, что ты крутишь роман со старшим сыном семьи Лу. Что это за новости?

Се Фэнсин замер:

— От кого вы это слышали?

— Неважно. Отвечай: это правда?

— Нет, — покачал головой Фэнсин.

— Я так и думал. Пустобрехи... Чтобы такой, как ты...

Он не договорил, но Фэнсин и так всё понял. В глазах отца он никогда не смог бы дотянуться до уровня Лу Чи. Этот человек явно не питал иллюзий относительно способностей своего отпрыска.

До этого юноша был слишком занят Сунь Юем, чтобы тратить время на семейные распри, но сейчас в нём проснулось любопытство. Он сделал пару шагов к столу и взглянул на иероглифы:

— Я тоже недавно практиковался в каллиграфии. Хотите взглянуть?

Отец вскинул брови:

— Ты?

Фэнсин потянулся за кистью, но старик брезгливо отстранился:

— Ступай. Твои каракули только бумагу и тушь переведут.

Се Фэнсин промолчал. Он взял другую кисть, обмакнул её в тушь и, придерживая рукав, начертил восемь иероглифов. Это был слоган рекламной кампании «Субэнь» — он запомнил его, и слова показались ему удачными.

Закончив, он отложил кисть и, подхватив чемодан, вышел из комнаты, оставив отца в немом оцепенении.

Отец Се не верил собственным глазам. На бумаге застыли слова:

«Мчаться по миру, подчиняясь лишь собственной воле».

Структура штрихов была безупречной, стройной и невероятно строгой. С кончика кисти на бумагу упала капля туши. Старик, не оборачиваясь, хрипло спросил дядю Чэня:

— Когда... когда он успел этому научиться?!

С момента возвращения в этот мир каллиграфия стала вторым талантом, который Фэнсин явил окружающим.

Он владел всеми искусствами классического образования: во время тренировок в системе он не раз проходил сценарии в древнем антураже, писал сложнейшие экзаменационные эссе и оттачивал почерк. В его послужном списке значилось несколько титулов «первого ученика империи». Каллиграфия для него была сущим пустяком.

Горничная проводила его в комнату — восточное крыло второго этажа. Просторное помещение с панорамным окном, выходящим на вековые деревья. Золотистые лучи пробивались сквозь густую листву. На прикроватной тумбе стояло фото в рамке: молодая женщина обнимает маленького ребенка.

Это была его мать, ушедшая слишком рано.

Се Фэнсин долго смотрел на снимок. Родная мать казалась ему чужой. Его тело принадлежало этому миру, но душа оставалась бесконечно одинокой.

— Не грусти, — подала голос Сяо Ай. — Как только миссия будет завершена, ты снова станешь

обычным человеком.

— Я не грущу, — холодно отозвался Фэнсин. — Я просто смотрю на «себя» со стороны, как на совершенно постороннего человека.

Фэнсин принял душ и уснул. Отсутствие эмоций дарило один неоспоримый плюс — идеальный сон без сновидений.

В кабинете отец Се всё еще не мог оторваться от его работы.

— Он уснул? — спросил он дядю Чэня.

— Да, заглянул к нему — спит крепко, — ответил тот. — Сяо Фэн невероятно изменился.

— «Невероятно» — это слабо сказано, — проворчал старик. — Лицо то же, но порода... порода совсем другая. Будто подменили мальчишку.

Он снова взглянул на лист:

— Потрясающий почерк. Стиль Оукай. Я практикуюсь десятилетиями, но в моих штрихах нет такой силы.

Среди каллиграфов говорят: «Почерк — это зеркало души». Строгие, четкие линии Фэнсина выдавали личность с несгибаемой волей.

Во дворе послышался шум двигателя. Дядя Чэнь вышел на крыльцо. Из подъехавшего авто вышел Се Ви в безупречном костюме.

— Сяо Фэн вернулся, — сообщил Чэнь.

Се Ви принял портфель из рук ассистента:

— Я знаю.

Первым делом он направился в кабинет к отцу. Тот сразу подозвал его:

— Взгляни, что написал твой брат.

Се Ви нахмурился:

— Его работа?

— Кто бы мог подумать, а? — хмыкнул отец. — Где он только нахватался? Раньше писал как курица лапой.

Отец Се сам учил сыновей каллиграфии. Се Ви преуспел, а Фэнсину это искусство не давалось.

«Почерк — это зеркало души. Прежние каракули Се Фэнсина были рыхлыми, бесформенными и слишком летящими — верный признак слабого характера и вечных колебаний».

Се Ви долго вглядывался в иероглифы, прежде чем признать:

— Действительно... безупречно.

— В прошлый раз я решил, что он просто сменил имидж, — продолжал старик. — Но теперь вижу: он стал совершенно другим человеком.

— Возможно, болезненный разрыв так на него повлиял, — предположил Се Ви.

При упоминании этой темы лицо отца помрачнело:

— Он всё-таки расстался с Сунь Юем?

Се Ви кивнул.

— Столько достойных женщин вокруг, а он решил в мужеложцы податься, — прошипел старик.
— Еще и чувства какие-то вообразил.

— Не стоит его судить. Склонности не изменить, он и сам от этого страдал.

— Ты вечно его выгораживаешь, — буркнул отец.

Се Ви лишь тонко улыбнулся, но в его взгляде застыл холод. Он еще долго не сводил глаз с восьми иероглифов.

Поднявшись на второй этаж, Се Ви первым делом заглянул к брату.

В комнате было прохладно — кондиционер работал на полную мощность. Он подошел к кровати, поправил одеяло и замер, бесстрастно глядя на спящего Фэнсина.

Тот был в черной маске для сна, скрывавшей половину лица. Видны были лишь прямой нос, изящный подбородок и полные, мягкие губы с едва заметной ложбинкой.

Фэнсин проснулся, когда за окном уже стемнело. На экране телефона светились пропущенный вызов и сообщение от Лу Чи. Он перезвонил.

Лу Чи ответил почти мгновенно. Фэнсин сел на кровати:

— Алло.

Его голос — сонный, с легкой хрипотцой — заставил собеседника на мгновение замолчать.

— Ты спал?

— Только глаза открыл. Увидел твое сообщение.

— Ничего срочного, — Лу Чи слегка кашлянул. — Хотел узнать, как ты. Старик сильно бушевал?

— Всё в порядке. Думаю, больше он не будет на меня кричать.

Тот коротко рассмеялся.

— Ладно, мне пора вставать.

— Иди, перекуси чего-нибудь. Конец связи.

— Погоди, — Фэнсин внезапно вспомнил кое-что. — Когда я приехал, отец спросил странную вещь... Сказал, ходят слухи, будто мы с тобой встречаемся. Не знаю, кто это пустил, надеюсь, у тебя не будет проблем.

— Скорее всего, это Лу Бэнь. Я разберусь.

Едва Фэнсин вышел из комнаты, он столкнулся с Се Ви.

— Ну ты и соня, — мягко улыбнулся брат. — Проголодался? Я попросил матушку Чжан приготовить поздний ужин, спускайся.

Внизу было тихо — отец уже ушел к себе. Се Фэнсин принялся за еду, а Се Ви сел напротив, не сводя с него глаз.

— Хочешь что-то сказать? — Фэнсин поднял взгляд.

— Ты похудел, — заметил тот. — Но выглядишь... собранным.

— Тренировки выматывают, — Фэнсин вернулся к своей порции риса.

— Я слышал о твоей победе в лиге «Субэнь», — продолжал брат. — Но разве я не просил тебя держаться подальше от гонок? Одно дело — хобби, другое — профессиональный спорт.

— Для меня это не хобби, — отрезал Фэнсин. — Я занимаюсь этим всерьез.

Он посмотрел брату прямо в глаза. Взгляд юноши был спокойным и пронзительным. Се Ви помедлил, а затем произнес:

— Твоя победа над Сунь Юем больно ударила по его карьере. Ты действительно решил с ним покончить? Я говорил с ним, он признал свои ошибки.

Се Фэнсин отложил ложку:

— Вы общаетесь?

— Он сам нашел меня, просил помочь помириться с тобой.

— Не лезь в это, — Фэнсин вытер губы салфеткой. — Я сам разберусь со своей жизнью.

Се Ви задумчиво потер пальцы друг о друга:

— Я ведь в курсе вашей истории. Ты ведь не винишь меня за то, что я вас познакомил? Тогда мне казалось, что вы подходите друг другу: ты любил гонки, а он был лучшим в своем деле.

[Ого] — подала голос Сяо Ай.

«Ого», — эхом отозвался Фэнсин в мыслях.

Информация была любопытной. Он предпочел промолчать, не подтверждая и не опровергая догадки брата. Юноша спокойно взял плод личи и очистил его.

— Я и не догадывался, что он за человек, — продолжал Се Ви. — Что ж, раз расстались — значит, к лучшему. Я найду тебе кого-нибудь подостойнее.

— Я не ищу отношений, — ответил Фэнсин. — И еще раз: не вмешивайся в наши дела с Сунь Юем.

Се Ви кивнул и поднялся:

— Хорошо. Поживи дома подольше. Через пару дней у отца юбилей, шестьдесят лет. В этом году ты просто обязан быть на празднике.

С этими словами тот обогнул стол и подошел к нему. Когда Фэнсин встал, брат внезапно обнял его.

Фэнсин невольно напрягся. Голос Се Ви звучал непривычно нежно:

— С возвращением домой, Сяо Фэн.

Се Фэнсин почувствовал, что брат начинает его всерьез интересовать. Отсутствие памяти усложняло задачу, но он нутром чувал: за этой маской «добротного брата» скрывается нечто иное. Но торопиться было некуда — времени у него было предостаточно.

После долгого дневного сна Фэнсин не чувствовал усталости. Он взял ключи и отправился колесить по ночному Бэйчэну. Город был для него чужим, и это странное исследование улиц приносило покой. Он сделал несколько снимков и выложил их в ленту.

Не прошло и десяти секунд, как пришло уведомление от Лу Чи:

«Не спишь?»

«Не хочется. Решил прокатиться», — ответил Фэнсин.

Тут же последовал звонок.

— Босс Лу, третий час ночи, а вы на связи.

— Проснулся и не могу уснуть, — отозвался тот. — Ты еще в городе?

— Да.

— Где именно?

— Ты что, собрался приехать?

— Мучает бессонница... Или ты уже собираешься домой?

— Тогда подтягивайся к мысу Ванхай. И захвати чего-нибудь перекусить.

Через полчаса Лу Чи действительно приехал. В руках у него был пакет с пивом и жареной курицей.

Выйдя из машины, он увидел Фэнсина, сидящего на огромном валуне у самой кромки берега. На фоне иссиня-черного неба и темной морской глади его силуэт казался пронзительно одиноким. Заметив мужчину, гонщик коротко махнул рукой.

Лу Чи взобрался на камни.

— Неплохое место.

— Нашел по картам. Писали, что здесь красиво, — Се Фэнсин принял пакет. — О, курица и пиво.

Он ловко вскрыл бутылки зубами и протянул одну собеседнику. Фэнсин приложился к горлышку, отпив добрую половину. В этом жесте было нечто необузданное и притягательное.

Лу Чи тоже отпил, хотя не был фанатом пива. Шум прибоя смешивался с завыванием ветра, море дышало холодом. Он непроизвольно коснулся руки Фэнсина.

— Ты не замерз? — спросил мужчина. — Кожа ледяная.

— Я всегда такой.

Се Фэнсин казался погруженным в свои мысли. Он молча смотрел на волны, методично опустошая одну бутылку за другой.

Глядя на него, Лу Чи вспомнил их единственный совместный ужин. Тогда Фэнсин тоже пытался открыть пиво, краснея от тщетных усилий. Лу Чи тогда просто забрал бутылку и вскрыл её сам. Пены было так много, что она залила ему пальцы, и юноша, сгорая от смущения, бросился вытирать его руки салфеткой. Когда Лу Чи тогда просто слизнул каплю пены со своего пальца, тот покраснел так густо, как мужчина никогда не видел ни до, ни после.

Тот прежний Фэнсин и нынешний слились в его воображении в один образ, где румянец стыдливости окончательно сменился льдом и надменной красотой.

— Вы все смотрите на меня так, будто я превратился в монстра? — внезапно спросил Фэнсин.

— Просто ты очень изменился.

— Это ведь хорошо?

Собеседник помедлил с ответом:

— Не знаю.

Это заставило Фэнсина обернуться.

— И тот, и другой по-своему хороши, — добавил Лу Чи.

— А мне нравится мой нынешний облик, — отрезал Фэнсин. — Надеюсь, вам придется с ним смириться.

Лу Чи промолчал, сделал глоток и тихо произнес:

— Мне он нравится.

Он нравился ему всегда: и тот незаметный, робкий мальчишка, и этот ослепительный, ледяной юноша.

Се Фэнсин отставил пустую бутылку и, опершись на руки, откинулся назад, подставляя лицо морскому бризу. Лу Чи почувствовал едва уловимый аромат его парфюма, и внутри него что-то дрогнуло.

Сегодня он проснулся в половине третьего от странного сна. Ему снилось, что он сжимает Се Фэнсина в объятиях, а тот отчаянно сопротивляется. Но чем сильнее юноша пытался вырваться, тем крепче Лу Чи его держал, не обращая внимания на жалобы о жаре.

Лед Фэнсина не растаял, но сердце Лу Чи уже превратилось в пылающий хаос. Он проснулся в холодном поту.

— Се Фэнсин, — позвал Лу Чи.

Юноша обернулся. Ветер трепал его волосы, взгляд был пугающе спокойным и потусторонним. В нём не было ни страсти, ни печали, ни радости.

Нынешний Се Фэнсин не умел любить.

Но Лу Чи отчаянно захотелось попробовать: пробиться сквозь этот лед, заставить его чувствовать — плакать, смеяться, гореть. Чтобы всё его существо наконец наполнилось живым, настоящим теплом.

<http://bllate.org/book/15841/1435311>